

С.А. ШАВЕЛЬ,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК),
Л.П. ГАЛИЧ (МИНСК)

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ И РОССИИ: КОМПАРАТИВНЫЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассматриваются методологические аспекты эмпирико-социологического исследования индивидуального самочувствия, раскрывается содержание категории «социальное самочувствие», проводится сравнительный анализ социального самочувствия населения Беларуси и Северо-Западного федерального округа Российской Федерации.

The methodological aspects of the empiric-sociological research of subjective well-being is considered; the contents of the category «social well-being» is disclosed; a comparative analysis of the social well-being of the population living in Belarus and North-Western federal district of the Russian Federation is made.

В современном мире категория «социальное самочувствие» все более широко используется в диагностических целях для интегральной характеристики психосоциального состояния конкретных социумов, их духовно-нравственного здоровья, оценки детерминирующих факторов (объективные условия, субъективные притязания и т. д.), выявления причин девиантных сбоев, нежелательных и неблагоприятных отклонений, а также для прогнозирования тенденций изменений, разработки мер профилактики, поддержания стабильности в обществе. Совсем недавно многим казалось, что для правильного понимания текущей ситуации в обществе с точки зрения поддержания социального порядка и обеспечения безопасности вполне достаточно тех сведений, которые дает официальная статистика в области экономики (производство – потребление) и специальные службы по своим направлениям – от инспекций по технике безопасности, санэпиднадзора, транспортного, финансового и других видов контроля до органов МЧС и государственной безопасности. Подобные представления основывались на детерминистских концепциях – экономических, технологических, географических и других, согласно которым социальная жизнь эпифеноменологична по отношению к базовым структурам, а поведение людей укладывается в бихевиористскую формулу «стимул – реакция». Такой логике соответствуют объективистские учения об обществе как организме, о человеке как маши-

не, поведение которого поддается всецело «оперантному обусловливанию» (Б. Скиннер). Однако и повседневная практика, и многие международные события современности показывают, что системное регулирование межличностных отношений, социетальных процессов требует дополнения «фактуальных» данных информацией о человеческих ожиданиях, мотивах, настроениях и самочувствии.

Так, сильнейшим ударом по социальному самочувствию простых людей всех стран планеты стал финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. Вызванные им стрессовые переживания, алармизм (тревожность) и другие последствия оказались тем более болезненными, что понять иррациональную природу этого кризиса затрудняются даже специалисты-эксперты, в том числе лауреаты Нобелевской премии по экономике. Во всяком случае конкретных предупреждений о его начале, т. е. возможном крахе ипотеки в США и банкротстве ряда кредитных банков, не было. Все это усиливает фрустрацию, особенно на фоне последних трагических событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке, массовых беспорядков в ряде стран Европы.

В мировой аналитике, пытающейся объяснить причины кризиса, дать прогноз его тренда и возможных последствий, все чаще встречаются термины из других, не политэкономических словарей. В их числе, например, «ботокс» – современный «эликсир молодости» – так называют финансовые инъекции банкротам, всей финансовой системе; «плацебо» – пустышка, которую суггестированный пациент воспринимает как эффективное лекарственное средство, – имеются в виду кредиты, деривативы и т. д. Популярно выражение «экономика настроений», характеризующее тенденцию к росту импульсивного спроса, немотивированного экономического поведения в целом.

Как видно, сама используемая терминология – «ботокс», «экономика настроений», «финансовое плацебо» и др. – показывает, что мировая аналитика нуждается в привлечении категории социального самочувствия и его эмпирических показателей (индикаторов). В этом, правда, нет никакого открытия. Просто человечество, как и отдельный индивид, легко забывает уже имеющиеся социогуманитарные знания и опыт «ошибок трудных», особенно в часы благоденствия. Еще Плутарх (около 45–127 гг.) писал: «Кто искушен в уходе за пчелами, считает рой тем здоровее и благополучнее, чем больше он жужжит и гудит; но кому божество поручило попечение об улье разумном и гражданственном, увидит примету благополучия народа в его спокойствии и тишине»¹. Далее идут советы, как добиваться такого состояния, и вывод: «...но лучше всего заранее предотвратить смуту, это есть величайшее и прекраснейшее дело политического искусства»². Об этом уже в XX в. писал основоположник гуманистической психологии А. Маслоу: «Я обнаружил, что многие люди не умеют ценить возможность удовлетворения потребностей и желаний, а порой и пренебрежительно относятся к уже удовлетворенной потребности»³.

Привлечение «субъективных», как их иногда называют, данных, выражающих человеческое измерение сложившейся ситуации, означает создание обратной связи в кибернетическом смысле слова. Благодаря этому общество (страна-государство) становится *de facto* нормальной управляемой системой, приобретает способность саморегулирования на основе свойственных массовому сознанию антиципаций (предвосхищений), опережающего отражения и коллективного бессознательного, по Юнгу.

Индикаторная и символическая функция социального самочувствия

При социологическом подходе к измерению и анализу самочувствия необходимо, прежде всего, определиться относительно двух уровней эмпирической представленности данного феномена: индивидуально-психологического и социального. В психологии этот термин – один из многих, характеризующих отдельного человека как индивидуальность, причем не со стороны партнера или внешнего наблюдателя, а имманентными ему средствами и

способами (словами, позами, жестами, реакциями, поступками и т. д.). Так образуется ряд терминов: самооценка, самоутверждение, самолюбие, в том числе и самочувствие. В этом смысле самочувствие есть результат субъективного измерения своего психофизиологического состояния, общего жизненного тонуса как энергетического потенциала или уровня физических и душевных сил для того или иного вида действия, жизнедеятельности в целом. Когда спортсмен просит поднять планку, он говорит тренеру: «Я чувствую себя так, что могу взять эту высоту». Даже если попытка не удалась, такое ощущение – залог успеха.

Но любое измерение предполагает наличие некоторой шкалы. В данном случае это внутренняя интроспективная шкала, которую трудно представить для внешнего обозрения. И она, как правило, разная, даже у очень похожих индивидов; более того, у каждого из них она изменяется по мере приобретения знаний и опыта, выработки динамических стереотипов и навыков в процессе тренировки, труда, учебы, игры и пр. Возникает естественный и крайне важный вопрос, как строится такая внутренняя субъективная шкала. Не вдаваясь в детальный анализ, отметим следующее. Теоретически индивидуальная шкала самочувствия, как и других аспектов состояния субъекта, должна включать три ряда мерных инструментов (в информационном смысле): а) биологические особенности и задатки; б) врожденную психологическую тенденцию реагирования в зависимости от типа нервной системы, темперамента, предрасполагающих архетипических символов; в) социокультурный багаж, приобретенный путем воспитания, образования и личного опыта. Понятно, что рациональное взвешивание, по объему информации, всех содержательных элементов каждого из трех инструментов невозможно или часто затруднительно для индивида. Далеко не каждый человек может сказать, что вполне знает свои задатки и способности; повышенная тяга молодежи к разным видам экстрима в немалой степени объясняется стремлением выяснить собственные индивидуальные возможности и тем самым найти себя. Как известно, генотип определяет возможности индивидуума, а среда – насколько эти возможности будут реализованы. Ведь даже гендерные особенности и половая идентичность не кажутся сегодня столь однозначными, как считалось ранее. Что касается врожденных тенденций реагирования, то это область бессознательного, экспликация которой проводится лишь по косвенным признакам и/или в символической форме.

Архетип (первичная модель, по Юнгу) есть содержательная сторона коллективного бессознательного. В отличие от личного бессознательного, материал которого хоть и уникален у каждого человека, но, как правило, доступен осознанию, архетипы проявляют себя в сновидениях, символах культуры, религиозных образах и особенно в мифологических картинах.

Для социологии наиболее существен вопрос о социальном содержании индивидуального самочувствия. Заметим, что речь не идет о природе человека с традиционной проблематикой «натура – воспитание», что в отечественной литературе обозначается как «биологическое – социальное». Здесь имеется в виду то, что индивидуальной психикой, включая эмоциональную сферу, язык, привычки, стиль мышления, интеллект и др., взято и усвоено из общества: либо спонтанно, из ближайшего окружения, в игровой практике, подражании и др., либо в процессе целенаправленного формирующего воздействия институтов образования и воспитания. С когнитивной точки зрения это и есть социальная информация, но не в планетарном масштабе или даже пространстве конкретного социума, а в индивидуальном тезаурусе отдельного человека, личности. Объем такой информации, сорасположение ее составных блоков является основой индивидуальных различий между людьми. Но главное, что эти три части, независимо от их полноты и презентации в сознании, так или иначе дисконтируются (от англ. discount – считать), т. е. учитываются, взвешиваются, принимаются во внимание

в субъективной внутренней шкале самочувствия. Это неизбежно, ибо другого материала для построения такой шкалы нет, взять же со стороны невозможно, поскольку не существует готовых формул. В то же время вообще отказать от шкалы – значит закрыть путь к саморазвитию, становлению целостной личности или, говоря словами Юнга, «к самости путем индивидуации».

Трехмерность субъективной шкалы (если ее принять) показывает, что традиционная дилемма «природа – воспитание» неразрешима: Ламброзо, к примеру, столь же не прав (или прав), как и просветители Гольбах, Гельвеций и др. П. Бергер в работе с примечательным названием «Общество в человеке» пишет: «Человек не может быть человеком без других людей, как нельзя обладать самоидентичностью без общества. Это не значит, конечно, что у индивида нет никаких врожденных, переданных ему с генами характеристик, которым суждено раскрыться независимо от конкретного социального окружения. Наши знания о человеческой биологии пока не дают нам сколь-нибудь ясной картины в этом вопросе. Однако даже без окончательного разрешения этих биологических аспектов можно сказать, что быть человеком – значит быть признаваемым в качестве человека, так же как и быть хорошим или плохим человеком – значит считаться таковым»⁴. Это утверждение бесспорно в антропологическом смысле с точки зрения эволюции вида *Homo sapiens* и становления «родовой сущности» (К. Маркс) человека. Но в реальной жизни очевиден парадокс: ни одно общество (государство) не хотело бы иметь среди своих членов (граждан) таких, кого можно отнести к «плохим» – при всей относительности такого определения, а они тем не менее повсеместно присутствуют. Такое, пожалуй, было бы невозможно, прежде всего психологически, если, как отмечает П. Бергер, «чувства индивида, его представления о себе, действия, вместе со взглядами на окружающий его мир, **предопределены** обществом»⁵ (выделено нами. – С. Ш., Л. Г.). Даже если многозначный термин «предопределение» понимать в ослабленном варианте в сравнении с кальвинистским предестинизмом (избранность или отверженность от рождения как приговор судьбы) или «железной необходимостью» К. Маркса, все-таки следует признать преувеличение формирующих возможностей общества, безусловно огромных, в деле индивидуального воспитания.

Самые лучшие по намерениям и вполне релевантные по критериям общественного блага личностные качества – лояльность, солидарность, патриотизм и др., обусловленные влиянием общества на индивидов, реализуются не прямо, а по логике интерактивного процесса. Это нетрудно установить на примере материального стимулирования. Видимо, придется согласиться, что важен не только размер вознаграждения, gratification (награда), но и кто, когда, за что ее нам вручает. Предметом взаимодействия выступает информация, смысловое содержание которой не поглощается индивидуальным субъектом, наподобие губки, впитывающей воду, а интернализуется, т. е. переводится во внутренний план, присваивается, освещается личностной мотивацией и, наконец, становится символом веры, кредо – убеждением. Различия между субъектами как реципиентами общественных воздействий заключаются в специфических проявлениях общих эдукационных (лат. education – воспитание) процедур: сортировки сведений, сравнения, проверки, селекции и т. д. В свою очередь, эта специфика определяет внутреннюю субъективную шкалу самооценок, в том числе самочувствием, с точки зрения удовлетворенности – реальной или прогнозируемой ситуацией. В ней (шкале) нет мелочей: то, что одному кажется десятистепенным, скажем, избыток веса и т. п., для другого в его конкретной ситуации приобретает большое, порой решающее значение.

Б. Шоу в автобиографии рассказывает об «одном из самых поразительных сословных предрассудков» времен его ученичества, связанных с тем, как нужно стучать в дверь молотком (звонков в то время еще не было).

«Один удар в дверь стал ассоциироваться с бедностью, а “пулеметная очередь” – с богатством». Связанные с этим переживания во время обучения в Образцовой школе, признается писатель, «стали у меня чуть ли не психозом»⁶. Как видим, самочувствие автора – хуже не бывает. А повод, как иронизирует уже взрослый, зрелый человек, пустяковый. Но юноша (тинейджер) сконструировал такую внутреннюю шкалу, на которой позитивные значения расположены в области богатства и знатности, что заставляет его играть роль сноба-аристократа, реагируя при этом крайне болезненно на несоответствие своего социального положения принятому образцу. Общество, возможно, признавало его «хорошим парнем», исходя из посыла П. Бергера, но сам он себя таким не чувствовал, иначе не вернулся бы (забыл бы) спустя многие годы к юношеским переживаниям.

Дело, следовательно, не только в механизмах признания – причисления или стигматизации, – но и в субъективном восприятии таких процедур с точки зрения их места в пространстве жизненных смыслов. Даже во времена господства сословной иерархии были и такие субъекты, которые, имея аристократические титулы и пр., не искали признания высшего света. Да и сегодня все ли известные люди – артисты, ученые, бизнесмены, политики – готовы поддерживать своим участием, хотя их ждут, гламурные парады или тусовочные корпоративы, сомнительную рекламу а-ля Голубков. Вообще, по логике предопределения такие люди, как Энгельс, Кропоткин и многие другие, никак не могли стать на позиции «не своего» класса. Не случайно А. Маслоу говорил «о необходимости переосмысления взаимосвязей, объединяющих личность и культуру. Это поможет нам осознать важную роль внутренней, интраорганизмической предопределенности, свойственной, по крайней мере, здоровой личности»⁷. Здесь термин «предопределенность» употреблен Маслоу метафорически, в русле общей схемы анализа. Автор критикует теорию инстинктов за ее принцип «все или ничего», т. е. или инстинкты, или знания в качестве основы человеческой реакции и активности в целом. Безусловно, подобная дихотомизация неуместна и неверна уже потому, что у человека нет жесткой генетически обусловленной программы поведения. Для преодоления «инстинктивизма» следует учитывать **меру** инстинктивности (унаследованное) и **меру** обученности (приобретенное) в том или ином психическом феномене и соответственно поведения и деятельности. Поскольку в большинстве человеческих проявлений присутствует и то и другое, то «и сам спор между сторонниками теории инстинктов и сторонниками теории научения чем дальше, тем больше начинает напоминать спор между партией остроконечников и тупоконечников»⁸.

Важной человеческой характеристикой является способность восприятия, ощущения, чувствования самого себя, т. е. самочувствие, в оформлении и определении которого принимают участие многие психологические феномены: внимание (избирательность), воля (устойчивость), память (структурированность), половые и возрастные свойства (специфические индивидуальные отличия) и др. Подлинным измерителем самочувствия («для себя») служит, как мы отмечали, внутренняя психологическая шкала, разная у разных людей и в разные периоды жизни. Привычный для нашей повседневной культуры общения вопрос о самочувствии, как и о делах, жизни вообще, является сугубо этикетным, не требующим каких-либо пространных объяснений. Но для иностранца, впервые сталкивающегося с такого рода вопросами, они могут показаться или провокационными, или намеками на неблагоприятный ход дел и т. п.

Вместе с тем в некоторых жизненных обстоятельствах о самочувствии конкретного индивида судят по внешним признакам – походке, осанке, приветствию и т. п. Иногда, особенно на производстве, это делать приходится по необходимости, хотя вероятность ошибки достаточно велика. Можно, например, человека, сконцентрированного на проблеме, принять за рассе-

янного; угрюмого – за переживающего неудачу; прирожденного болтуна – за коммуникабельного; молчуна – за аналитика; застенчивого – за скрытного и т. д. Поспешные выводы опасны, сам человек в том же отделе кадров душу раскрывать, как правило, не будет. Особого внимания заслуживает принятая в некоторых странах (Япония и др.) диагностика по внешним признакам как превентивный метод. Обычно это делается в отношении таких специалистов, работа которых связана с высокой ответственностью, в том числе и за жизнь людей, – летчиков, машинистов, капитанов, водителей пассажирского транспорта и др. Считается, что более целесообразно при возникших сомнениях предоставить человеку отгул, чем посылать его на выполнение данной работы.

Что касается психологических тестов, то некоторые из них столь сложны и объемны, что могут применяться лишь в условиях клинических обследований, т. е. по их целевому назначению, другие, наоборот, упрощены до бытового уровня, что позволяет испытуемому заранее предвидеть, а значит, влиять на результат. Рассмотрим блоковый тест, известный как «опросник САН»⁹. Он предназначен для оперативной оценки самочувствия, активности и настроения (по первым буквам этих функциональных состояний и назван опросник). Сразу же возникают вопросы методологического уровня о том, как соотносятся эти состояния друг с другом, действительно ли они образуют единый комплекс. По этому поводу дается следующее объяснение: «У отдохнувшего человека оценки активности, настроения и самочувствия обычно примерно равны. А по мере нарастания усталости соотношение между ними изменяется за счет относительного снижения самочувствия и активности по сравнению с настроением»¹⁰.

Тем самым сквозным дифференцирующим признаком является усталость, хотя ее уровень измеряется только в блоке самочувствия. Это осуществляется с помощью двух пар предикатов противоположного значения, требующих от респондента самооценки по семибалльной шкале, а именно: «отдохнувший – усталый» и «свежий – изнуренный». При этом, как нам представляется, возникают некоторые методические трудности, связанные с определением «меры нарастания усталости» и ее влияния на активность и настроение, а также на самочувствие, показателем которого и является усталость. Формулировки отдельных показателей самочувствия допускают разное толкование. Например, «напряженный – расслабленный», – что в этой паре позитивно/негативно, понять не просто. Точнее было бы сказать, «мобилизованный – расслабленный». Также и позиция № 25 опросника «выносливый – утомляемый» не связана с конкретной ситуацией действий (занятий) в момент опроса. Видимо, выносливым чувствует себя тот, кто готов продолжать свое дело; утомленным (а не утомляемым вообще) – тот, кто нуждается в перерыве на отдых. В целом данный тест сугубо феноменологический, – он только фиксирует субъективные оценки названных состояний в данное время, т. е. момент опроса. Так указывается, что средние оценки студентов Москвы таковы: самочувствие – 5,4, активность – 5,0, настроение – 5,1 балла. Сам тест не предлагает каких-либо интерпретаций этих различий, не позволяет сделать вывод, хорошо это или плохо. В нем нет средств (инструментов), открывающих возможность анализа, выявления детерминирующих факторов: внешних – социально-экономических условий, внутренних – ожиданий, способностей и др. Назвать это недостатком неверно, ибо тест и не ставит перед собой таких задач.

В социологической работе всю другую информацию, необходимую для расширенного анализа, следует получать путем введения дополнительного инструментария. Опыт использования опросника САН для анализа субъективных состояний ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС с учетом многих факторов – оплаты труда, уровня радиации, медицинских данных о здоровье и др. – показал, что такой комплексный подход правомерен и про-

дуктивен¹¹. Особенно важен социологический мониторинг САН для диагностики и прогнозирования изменений как самих названных феноменов, так и тех общественных процессов и явлений, которые обуславливают такие изменения (кризис, реформы и т. д.).

Обратим внимание на интересные разработки в социогуманитарной области знаменитого хирурга и видного ученого Н.М. Амосова. Он широко использовал (возможно, и ввел его) понятие «Уровень Душевного Комфорта» (УДК). Можно сказать, что это не строго научное понятие, а своеобразный концепт, в котором центральное место занимает то индивидуальное состояние, которое мы называем самочувствием. Говоря об объединении критериев (потребностей) по их силе в иерархии значимости, Н.М. Амосов пишет: «У человека таким обобщенным показателем является интегральное **чувство** “приятно-неприятно” или “Уровень Душевного Комфорта” (УДК). В нем суммируются приятный и неприятный компоненты каждого частного критерия – чувства»¹². Любовь к моделированию, признается автор, подвигла его на создание оригинальной модели личности, описанной в книге «Энциклопедия Амосова». Она представляет собой систему из четырех нелинейных алгебраических уравнений, учитывающих виды занятий и разнообразие соответствующих чувств. Поскольку это отдельная тема, мы не будем входить в детали, отметим лишь следующее. Для каждого вида деятельности (составляющих жизнь) можно построить такие модели и – обратим внимание – «получить суммарные показатели УДК “от деятельности” (если “не от жизни”)». Полная модель была разработана для студентов, однако, по признанию Н.М. Амосова как руководителя проекта, «едва ли она пригодна для практики социологии»¹³. Правда, и социологи пока не предприняли серьезных усилий по изучению и аппроксимации, возможно, конструктивной критике и продвижению этих разработок. Стоит ли говорить, что, если бы удалось замерить УДК сравнительно доступными методиками, это имело бы огромное значение для всей социогуманитаристики, а главное, для всех сфер общественной жизни – кадровой работы, поведенческой терапии и др. Сам замысел измерения УДК (при переходе от решения уравнений к тестовой методике) напоминает концепцию самоактуализации А. Маслоу и разработанный им «Опросник личностной ориентации» (POI). Характерно стремление Н.М. Амосова включить в анализ убеждения, верования и отдельный раздел под названием «Душа». На прямой вопрос: «Так есть душа или нет?» – автор отвечает: «Есть. Она в самом слове – “Душа”, в его нейронной модели, с которой связаны другие модели – нейронные ансамбли, выражающие убеждение в существовании идеалов добра и возвышающие человека над эгоистическим материализмом. А может быть – потребность в Боге... Чтобы завоевать его благоволение, нужно быть действительно хорошим»¹⁴. Не случайно Н.М. Амосов отмечает: «Не легко выделить человека биологического из социального»¹⁵, тем не менее с этой целью он инициировал проведение в 1990 г. социологических исследований через «Литературную газету»: получено 4 тысячи ответов на опубликованную в газете анкету. Отметим некоторые результаты того исследования. «Биологическое “чувство справедливости” допустили 59 %, его отсутствие 37 %. “Потребность в правде” признали 63 %. “Нет” – 18 %. “Биологическую совесть” – 44 %, а 37 % отнесли совесть к убеждениям»¹⁶.

Избегая в данной статье обсуждения метафизических вопросов, хотелось бы отдать должное неустанным творческим поискам Н.М. Амосова не только в своей специальности, но и в гуманитарной области. Применительно к нашей теме высказанные им идеи позволяют уточнить структуру индивидуального самочувствия. Напомним, что в известной дискуссии по проблемам «природа – воспитание», как она протекала в нашей стране на рубеже 1980-х гг., восторжествовала и получила официальное признание позиция социального детерминизма. Его сторонники утверждали: «Не существ-

вует чисто биологических факторов, влияющих на поведение человека, поскольку даже биологические особенности людей являются результатом социального прогресса, а потому не могут рассматриваться как чисто биологические»¹⁷. Приведенные Амосовым социологические данные ставят под сомнение столь категоричный вывод. Не менее существенно и то, что у него содержание социального не сводится к материальным условиям, как это часто воспринимается обыденным сознанием, но включает и многие категории ценностно-смыслового уровня – справедливость, правда, долг, совесть и др. Не трудно понять, что они могут как дополнять и усиливать материальные блага, так и девальвировать их. Скажем, совесть – это способность индивида чувствовать себя человеком, осознавать свое достоинство, принимать на себя ответственность. Диссонанс в этой области вызывает внутренний дискомфорт, который трудно компенсировать благами и достижениями.

На Западе аналогичные исследования пошли по более спокойному академическому руслу. Не отрицая важнейшую (и даже во многом решающую) роль среды, культурного воспитания, социобиологи (термин Э. Уилсона), строили «мост между генетико-органической и социокультурной эволюцией»¹⁸. Нобелевский лауреат К. Лоренц, анализируя кантовское учение об «априоризмах», пришел к выводу, что «человеческое мышление и восприятие обладают определенными функциональными структурами до всякого индивидуального опыта»¹⁹. Другой исследователь М. Рьюз объясняет один из самых человеческих феноменов – альтруизм наличием врожденных диспозиций (предрасположенностей). «Биологические факторы, – считает он, – сделали из нас альтруистов»²⁰. Примечательны также мысли А. Маслоу, которые, кажется, никому из поборников эгалитаризма не приходили в голову. Маслоу задается вопросом, какие последствия повлечет за собой уничтожение социальной несправедливости, т. е. неравенства. По его мнению, «чем меньше будет социальной несправедливости, тем громче заявит о себе “биологическая несправедливость”, заключающаяся в том, что люди приходят в этот мир, имея различный генетический потенциал»²¹. Вместе с тем вывод «от обратного», т. е. представление, что с повышением уровня социального расслоения, фактического неравенства (децильный коэффициент, индекс Джини и др.) биологические различия купируются и воспринимаются как «естественный фон». Социальный эволюционизм и дарвинизм строит свои концепции, перенося на общество дарвиновские идеи «естественного отбора», «борьбы за существование», «выживания сильнейших» и др. Примечательно в этой связи замечание А. Маслоу: «Дарвин был настолько убежден в дурной природе инстинктов, что основным фактором эволюции животного мира счел борьбу, соревнование, и совершенно не заметил проявлений сотрудничества, кооперации, которые, однако, легко сумел разглядеть Кропоткин»²².

Измерение индивидуального самочувствия приобретает все большее значение во многих областях: организации совместной деятельности (труд, спорт, учеба, воинская служба и др.), социальной работе, расстановке кадров, профилактике девиантного поведения, превенции анормических расстройств, особенно среди молодежи, которые в последнее время усилились в России и других странах.

Социальное самочувствие. Но собственно предметом социологического анализа является социальное самочувствие. Переход от индивидуального к социальному самочувствию связан с некоторыми методологическими трудностями (давнее, но до конца не преодоленное противостояние социологического номинализма и реализма), оказывающими воздействие на процедуры концептуализации и операционализации как необходимые этапы эмпирико-социологических исследований. Как известно, номинализм (в социогуманитаристике «методологический индивидуализм») в своих крайних

формах вообще отрицает само понятие «социальное». Так, Ф. Хайек писал: «Я дал себе зарок – никогда не употреблять слов “общество” (“Society”) или “социальный” (“Social”)»²³. Понятно, что подобная попытка табуирования употреблявшихся общепринятых и «безвинных» терминов ни к чему, кроме ироничных замечаний со стороны многих социогуманитариев, привести не могла. Примерно такой же позиции придерживался и П. Бурдьё с его малопринятым отрицанием общественного мнения.

Безусловно, многозначность термина «социальное» не отнесешь к достоинствам понятийного аппарата. Ведь даже в разговорном языке наличие омонимов, т. е. слов с одинаковым звучанием, но разным значением («ко-са», «номер» и т. п.), создает иногда затруднения. В первом приближении в оппозиции «индивидуальное – социальное» под индивидуальным понимается все то, что в каждом человеке неповторимо, уникально, а под социальным – то, что характерно, по крайней мере, больше, чем одному индивиду²⁴.

Социальное есть общее относительно единичного и особенного. А общее – это «закономерная связь двух (или более) особенных индивидов, которая превращает их в моменты одного и того же конкретного, реального, а отнюдь не только номинального единства»²⁵. Следовательно, общее – не аддитивное множество (арифметическая сумма), а закон или принцип связи единиц и частей в составе целого. Соответственно этому под социальным самочувствием понимается синтез самочувствий индивидуальных – по принципу доминирования, законом связи которых в рамках целостности выступает релевантность их относительно общественных условий жизнедеятельности данного конкретного сообщества – коллектива, группы, класса, населения всей страны. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко справедливо отметил, что самочувствие граждан определяется образом и качеством жизни, а также тем, насколько им комфортно в обществе и государстве, в котором они живут и работают, а от этого зависит и стабильность самого государства. По его словам, социальное самочувствие предопределяется развитием тех сфер, которые формируют среду жизнедеятельности человека, – трудовая занятость, уровень оплаты труда и иные социальные гарантии. Они затрагивают каждого человека и все общество в целом²⁶. В одной из своих статей В.В. Путин пишет: «Не менее значимая проблема – квалификация и социальное самочувствие рабочих, тех, кто является стержнем хребта нашей экономики»²⁷. Предложенный комплекс мер по решению данной проблемы, направленный на повышение квалификации и на улучшение самочувствия рабочих, предполагает социологическое сопровождение их реализации, в частности, разработку методического инструментария для измерения самочувствия, проведения мониторинга и прогнозирования тенденций изменения.

Социальное самочувствие является наиболее чувствительным показателем, который отражает не только индивидуальный жизненный тонус, но и восприятие собственного положения в обществе, а также состояние самого социума, в котором живет индивид. Именно поэтому его базовыми эмпирическими индикаторами являются следующие: по отношению к самому индивиду – самооценки настроения, эмоционального состояния, жизненной удовлетворенности и материального благополучия; по отношению к обществу – оценки экономического потенциала и политической ситуации в стране. Не менее важным индикатором социального самочувствия, отражающим прогностические взгляды респондентов, является оценка ими перспектив повышения качества жизни и состояния дел в экономике, политике, социальной и духовной сферах. Более того, весьма важно исследовать факторы-основания, от которых зависит самооценка жизненной удовлетворенности, что дает возможность выявить причины как положительных, так и отрицательных оценок.

Символическую функцию социальное самочувствие играет тогда, когда оно используется в целях коллективной презентации, рекламы или демон-

страции хорошей работы, успешности в делах, благожелательности и приветливости по отношению к потребителям товаров и услуг тех или иных предприятий, фирм, компаний, учреждений и др. При этом некоторые внешние проявления самочувствия – улыбка, жесты, позы и т. д. – превращаются в средство, становятся импрессионистскими символами, предназначенными для произведения определенного впечатления на других, – будь то деловой партнер, клиент, турист или избиратель. Такая символика базируется на свойственных человеку естественных проявлениях чувств – как положительных, так и отрицательных – в зависимости от ситуации и внутренней предрасположенности (некоторые социологи, например Т. Парсонс, внутреннюю предрасположенность как установку включают в ситуацию действия). Используя это антропологическое качество (привычку), специалисты, работающие на рынке, – маркетологи, менеджеры, продюсеры и др. – разработали сложную и психологически тонкую систему символической презентации социального самочувствия. Один из лидеров данного направления, педагог по образованию и специалист в области человеческих отношений, Дейл Карнеги (1888–1955) написал несколько книг в жанре непривычных нам «проповедей». Постепенно идеи символической демонстрации самочувствия приобрели широкую популярность в рыночной экономике, стали программой подготовки персонала частных фирм и компаний, систем образования, здравоохранения, государственных служащих и др. Один из девизов проповеднической литературы гласит: «Человек без улыбки на лице не должен открывать магазин»²⁸. Слово «открывать» в данном контексте имеет два значения: а) приобретать в собственность, строить; б) отпирать для обслуживания посетителей. И оба они уместны.

Для нас, привыкших, что продавцы способны улыбаться только родственникам и друзьям, это особенно понятно. Но и сегодня такие простые символические процедуры в большом дефиците – не только в магазинах, кафе и ресторанах, которые стали в основном частными, но и во всех сферах, связанных с обслуживанием людей, – от приема туристов до работы органов местной власти с населением. За этим – некоторые особенности нашей истории, того времени, когда слово «обслуживание» отождествлялось с «прислужгой», «батрачеством» и т. п. В таком смысле оно и проникло в сознание и менталитет масс, вопреки очевидности того факта, что в обществе все люди обслуживают друг друга, т. е. каждый служит тому, кто востребует его услуги. Сказываются, безусловно, и пробелы в культуре общения: многие годы этикетные нормы и правила игнорировались даже «наверху» как «дворянские» и «буржуазные пережитки» и т. п. В системе образования – на курсах тех же продавцов или водителей, в училищах, колледжах – этому не учат, а в университетах считается, что уже поздно.

Сложные жизненные обстоятельства, конечно, могут снижать самочувствие, но как раз Карнеги и другие проповедники учат не поддаваться обстоятельствам, не замыкаться в такого рода переживаниях, верить в лучшее и действовать. В целом позитивные эффекты символических процедур не вызывают сомнения, и нам в этом направлении предстоит еще значительная работа. Но именно поэтому важно не впадать в очередное эпигонство, как это было на рубеже 1990-х гг. с рынком, «шоковой терапией» и т. п., а, с одной стороны, знать и использовать накопленный в народе багаж терпимости, приветливости, гостеприимства и т. д., с другой – трезво относиться к чужому опыту в этой области.

Все-таки искусственная, часто принудительная демонстрация символов самочувствия – здоровья, успехов, благополучия в делах и личной жизни, как и приветливости к случайным клиентам, – чревата фрустрациями, особенно когда реальное состояние и конкретная ситуация противоречат этому. Лейтмотивом «бодрящего» оптимизма можно считать следующее утверждение: «Все осуществляется посредством желания и каждая искренняя

просьба исполняется»²⁹. Когда Козьма Прутков взывал: «Если хочешь быть счастливым – будь им», это была тонкая ирония, «прикол» на молодежном сленге. Но когда проповедники утверждают, что «большинство людей счастливы настолько, насколько они решили быть счастливыми»³⁰, то в этом уже есть доля неправды, диффамации, способной оскорбить значительное число людей. Счастливыми, по-видимому, хотят быть все, но жизнь сложна, в ней неизбежны случайности – кризисы, природные катаклизмы, аварии и т. д. Поэтому не менее важно учить молодые поколения терпению, стойкому восприятию временных неудач, реальной оценке ситуации и своих возможностей, деятельному, а не абстрактному оптимизму и гуманизму. Пока, как нам представляется, отечественная (в том числе и российская) социология, социогуманитаристика в целом данную проблему упустили, и это необходимо исправлять.

Счастье как вершина позитивного самочувствия

Социальное самочувствие является весьма многогранной категорией, соприкасающейся с такими понятиями, как жизненное благополучие, душевный комфорт, удовлетворенность жизнью, общественное настроение и, конечно же, счастье. В истории общественной мысли аккумулировано большое число учений, отдельных блестящих мыслей мудрецов и учителей человечества о счастье и путях его достижения. Пожалуй, мало по какой из вечных и «сквозных» тем, которые вновь и вновь воспроизводятся в общественном дискурсе, существует такое разнообразие точек зрения, мнений, подходов. Все они, можно сказать, естественно группируются и дифференцируются по нескольким линиям на основе ряда смысловых оппозиций: утилитаризм (богатство) – духовность (саморазвитие); эгоизм (для себя) – альтруизм (для других, общества в целом); гедонизм (чувственные удовольствия) – аскетизм (самоограничение).

Уже много лет предпринимаются попытки построить рейтинг стран по уровню счастья или включить данную категорию в индекс человеческого развития и др. Заметим, что гипотеза отдельных западных социологов о причинно-следственной связи линейного типа между уровнем развития стран и счастьем населения не подтверждается. Как показал Р. Лейн в книге «Потеря счастья в условиях рыночной демократии», за последние 30 лет в США стало на 14 млн меньше тех, кто считает себя счастливыми, несмотря на то, что доход на душу населения вырос более чем вдвое³¹. В эмпирических методиках измерения счастья оно часто отрывается от самочувствия или смешивается с другими близкими психологическими феноменами (удовлетворенность, интернальность, самооценка). Это приводит к двум вариантам понимания данной категории. У одних *счастье* – это абстрактная (вне времени и пространства) идеализация, лучше бы сказать, «эдемизация» (от «Эдем»), но этот термин не принят в научном лексиконе. Такой вариант широко представлен в разноплановой утопической литературе – от Ф. Бэкона, Т. Мора, Ш. Фурье до Г. Торо с его романом «Уолден, или Жизнь в лесу», в котором повествуется о спасении личности от потребительского общества путем возврата к природе. У других – это карикатурный или сатирический образ иррационального довольства, блаженства. Один из героев Чехова был счастлив оттого, что о нем написали в газете. А написали потому, что человек был пьяным и попал под лошадь. О счастье как вершине позитивного самочувствия писал Э. Фромм. «Счастье, – по его словам, – это состояние напряженной внутренней работы и ощущение возрастания жизненной энергии, которое происходит при продуктивном отношении к миру и самим себе. Это переживание полноты бытия, а не пустоты, которую нужно заполнить»³². Антиподами счастья являются не бедность, не недостаток денег или некоторых материальных благ, а подавленность, отчужденность и скука. Не случайно А. Шопенгауэр свой пессимизм выразил в афоризме: «Человек обречен терзаться между нуждой и скукой, между страданиями будней и монотонностью выходных дней»³³.

Для методологии социологического изучения феномена счастья важное значение имеет следующее положение А. Маслоу: «Видимо, человеческая мечта о вечном счастье не осуществима. Разумеется, счастье возможно, оно реально и достижимо. Но высшие переживания длятся недолго, и они не могут быть долговечными. Интенсивное переживание счастья всегда эпизодично»³⁴.

Попытаемся социологически рассмотреть явление, именуемое счастьем (англ. happiness), близким по значению конструктом которого является субъективное благополучие или комфорт. Измерение счастья в последнее время действительно становится широко распространенным явлением в мировой практике. Данный индикатор приобрел даже самостоятельное название нетрадиционного показателя развития страны. Сами экономисты находят в этом показателе довольно большой смысл, полагая, что ВВП, совокупный общественный продукт, душевой доход и др. не учитывают состояние (стоимость) социального и психологического здоровья населения. Удовлетворенный жизнью, счастливый человек более охотно и плодотворно трудится, а следовательно, повышает экономические показатели страны; счастливый индивид не берется за оружие, тем самым обеспечивает стабильность и порядок в обществе, в котором он живет; воспроизводит здоровое потомство, улучшая демографические показатели. Относительно последней мысли хочется добавить, что ощущение счастья является гораздо большим (ударение на первый слог) «демографическим мотиватором» и в большей степени мотивирует счастливых супругов на рождение детей, чем, например, пособие по рождению ребенка, дополнительные льготы и др. В силу подобного потенциала, заложенного в счастье, к этому показателю обращаются не только исследователи (у истоков стояли философы, социологи и психологи, а позже экономисты и политологи), он становится все более полезным, интересным и необходимым для политиков и политических лидеров. Так, например, в 1970-х гг. политический лидер Гималайского государства, находящегося в Южной Азии, под названием Бутан, предложил в своем обращении к Национальной ассамблее измерять благосостояние страны не ВВП, а ВВС, т. е. внутренним валовым счастьем, содержащим в себе четыре блока: 1) обеспечение в государстве справедливого и устойчивого социально-экономического развития; 2) сохранение и развитие традиционных культурных ценностей; 3) охрана природы; 3) правильное управление страной³⁵. В Беларуси в области социальной политики Президентом была провозглашена очень важная цель – повышение благосостояния граждан. Было бы правомерным в комплекс традиционных показателей, измеряющих его успехи, включить также субъективные показатели удовлетворенности жизнью и ощущение счастья, т. е. то, что составляет социальное самочувствие граждан.

Отметим, что у каждого человека, как правило, есть некоторые представления о комфортном для него психологическом состоянии: у одних – это радость общения, у других – достижение трудной цели, у третьих – эйфории победы, у четвертых – пляжная нега и т. д. вплоть до искусственного кайфа или нирваны. В подтверждение подобного высказывания вспомним слова упомянутого нами Э. Фромма, что «одни находят удовольствие в выпивке, в обогащении, славе, в оскорблении людей, а другие находят его в том, чтоб любить, делиться с друзьями тем, что имеют, мыслить, рисовать»³⁶. Этот субъективный образ индуцирует определенные побуждения, направляющие поиск на соответствующие средства достижения желаемого состояния, насколько это возможно в конкретных условиях. Важно учесть, что в большинстве случаев такие мотивы входят в состав ведущей инструментальной мотивации, придавая ей экспрессивность, в то же время и не растворяясь в ней. В подобном смысле наших рассуждений следует также принять во внимание спенсеровскую идею удовольствия как биологической

функции стимуляции человека к деятельности, согласующейся с тем, что является благополучным для личности и человеческого рода. Действительно, человеку и обществу в целом свойственно отыскивать приятное и избегать неприятного для того, чтобы поддерживать свою жизнь. Можно сказать, что иногда мотивы самочувствия, т. е. достижения комфортного состояния, могут превращаться в доминирующие, задавая общую направленность личности, например, гедонизм, эвдемонизм или, наоборот, аскетизм, самоактуализацию.

Счастье как экспрессивный элемент социального самочувствия может проявлять себя и в качестве важного фактора, обуславливающего жизненную удовлетворенность индивида. В понятийном смысле удовлетворенность жизнью – это социально-психологическое состояние индивида, предполагающее сбалансированность притязаний и требований, которые индивид предъявляет к собственной персоне, другим людям, к обществу, к условиям и содержанию качества жизни в целом, и субъективной оценки достижений и возможностей реализации собственных запросов. Так, результаты опроса показали, что среди самооценок жизненной удовлетворенности полностью или скорее удовлетворенные составляют преобладающее большинство – 58,1 %, соответственно неудовлетворенных меньше почти в два раза. Только 28,5 % населения не удовлетворены жизнью, причем 23,3 % – частично, 5,2 % – полностью. Можно наблюдать различие в подобных самооценках разных возрастных когорт. Как показано в табл. 1, в группе «молодежь» удовлетворенными и неудовлетворенными жизнью являются 66,1 и 21,2 % молодых людей соответственно, в группе «средний возраст» – 56,1 и 31,5 % соответственно и в группе «старшее поколение» – 54,0 и 30,4 %.

Таблица 1

Степень удовлетворенности жизнью в целом, %

Оцените, пожалуйста, в какой степени Вы удовлетворены жизнью в целом?	Возраст, лет			Все население
	до 30	30–49	50 и старше	
Нет ответа	0,2	0,5	1,3	0,7
Полностью удовлетворен	17,7	9,0	11,0	11,9
Скорее удовлетворен, чем нет	49,4	47,1	43,0	46,2
Скорее не удовлетворен	17,2	25,9	24,9	23,3
Не удовлетворен совсем	4,0	5,6	5,5	5,2
Не знаю	11,6	11,9	14,3	12,7

Социологические исследования социального самочувствия свидетельствуют, что людям свойственно опираться на оценку собственного эмоционального состояния или ощущения счастья при характеристике собственной жизненной удовлетворенности (табл. 2).

Таблица 2

Факторы удовлетворенности жизнью, учитываемые при ее оценке, %

Почему Вы даете именно такую оценку своей удовлетворенности жизнью?	Все население
Нет ответа	4,1
Я сравнивал собственное благополучие и уровень жизни с другими людьми	22,8
Я оценивал поставленные и достигнутые цели	15,2
Я сравнивал личные достижения в работе (службе, учебе) с достижениями других людей	4,0
Я оценивал престиж своей работы (службы, учебы)	3,2
Я оценивал уровень доверия ко мне со стороны людей, мнение которых для меня является важным	6,8
Я сравнивал собственный образ жизни с образом жизни других людей	16,0
Я оценивал свое семейное благополучие (личные отношения)	13,7
Я оценивал то, насколько я счастлив в целом	25,4
Другое	5,1

По результатам опроса можно сделать вывод, что, ранжируя причины различной степени своей жизненной удовлетворенности, четверть респон-

дентов (25,4 %) подчеркнули, что они в принципе оценивали свой жизненный уровень счастья; второе место они отдали позиции «Я сравнивал собственное благополучие и уровень жизни с другими людьми» – 22,8 %. Третье и четвертое места заняли позиции «Я сравнивал собственный образ жизни с образом жизни других людей» (16,0 %) и «Я оценивал поставленные и достигнутые цели» (15,2 %). Из этого следует, что в подобных оценках важным индикатором для населения является экспрессивный элемент, т. е. в первую очередь опрашиваемые ориентировались на оценки своего эмоционального состояния «счастья». Однако подобные оценки не указывают на конкретное состояние счастья или несчастья, а следовательно, нельзя с полной уверенностью говорить о том, что четверть населения считает себя счастливыми, так как они просто выбрали для себя ориентир жизненной удовлетворенности, коим являются переживания разной степени счастья.

На наш взгляд, в содержание счастья входит «векторный» компонент жизни, который отражает движение от настоящего к будущему, проявляющийся в таком явлении, как оптимизм. Для оптимизма характерна ориентация на лучшее будущее, безусловная вера в него, перспектива на будущее, а чувства веры и надежды имеют для него определяющее значение. Данная связь счастья и оптимизма подкрепляется результатами проведенного исследования (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос о перспективах изменения жизненного благополучия в зависимости от самооценок эмоционального состояния, %

Ваша оценка перспектив изменения жизненного благополучия?	Как Вы оцениваете свое самочувствие?					
	Мое самочувствие хорошее	Я чувствую себя счастливым	Я точно не могу определить свое самочувствие	Мое самочувствие удовлетворительное	Мое самочувствие плохое	Я не приспущиваюсь к своему самочувствию
Благополучие улучшится	37,7	46,3	18,1	21,5	10,1	13,2
Благополучие ухудшится	29,2	25,0	38,4	45,1	56,6	45,7
Затрудняюсь ответить	33,1	28,7	43,5	33,6	33,3	41,1

Заметим, что для тех респондентов, которые ощущают себя счастливыми, в большей степени характерна ориентация на оптимистичное восприятие собственной жизни в будущем, так как 46,3 % в группе «Я чувствую себя счастливым» обладают позитивными ожиданиями. Здесь же наблюдается и наименьшее число так называемых жизненных пессимистов – каждый четвертый «счастливый» отметил, что со временем его благополучие ухудшится. Возьмем для сравнения респондентов с плохим самочувствием: каждый десятый в ней – оптимист, каждый второй – пессимист. Таким образом, состояние счастья, несомненно, предполагает оптимистическое сознание, уверенность человека в его достижениях, а также возможность быть счастливым не только в настоящем, но и в будущем.

Эмпирико-социологический анализ самочувствия белорусов и россиян

Сравнительные межстрановые исследования социального самочувствия методически строятся так, чтобы иметь возможность при соблюдении требования валидности замерить и сопоставить следующие показатели:

- 1) экономическое положение страны в восприятии и оценках населения по стандартной пятибалльной шкале: очень хорошее, хорошее, среднее, плохое, очень плохое;
- 2) материальное положение семьи – аналогичный замер;
- 3) уровень социальной адаптированности – по шкалам удовлетворенности текущей жизнью и индексу терпения;
- 4) социальный оптимизм – по шкале ожидаемых изменений жизни к лучшему в ближайшей перспективе.

Разумеется, данный вариант методики не ограничивает исследователей в постановке дополнительных задач поискового и особенно прогнозного плана, если собственное исследование проводится в мониторинговом режиме.

Представим некоторые результаты совместного российско-белорусского исследования, выполненного в 2009–2010 гг. по теме «Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения регионов Северо-Западного федерального округа Российской Федерации и Беларуси». Исполнители: с белорусской стороны Институт социологии НАН Беларуси, научный руководитель – С.А. Шавель (грант БРФФИ ГО9Р-031); с российской – Институт социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда), научный руководитель – А.А. Шабунова. Полные данные о результатах исследования содержатся в научных отчетах сторон и ряде публикаций.

В табл. 4 приведены данные по первым двум показателям: экономическое положение страны и материальное положение семьи.

Таблица 4

**Оценки населением экономического положения страны
и материального положения семьи, %***

Оценки	Страна		Семья	
	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь
Очень хорошее	1,1	4,3	2,0	2,7
Хорошее	7,2	7,6	10,9	7,0
Среднее	50,8	56,6	51,4	53,6
Плохое	34,6	18,8	28,5	20,7
Очень плохое	6,3	12,7	7,2	16,0

Примечание. * Данные по СЗФО России не являются репрезентативными для этой страны, и мы говорим о россиянах на примере только одного округа.

Напомним, что в период исследования мировой экономической кризис охватил обе страны. Его влияние, конечно, не могло не сказаться на самочувствии людей, но, как показало исследование, это не вызвало каких-либо алармистских настроений или протестных действий³⁷. Индекс позитивных оценок рассчитывался как сумма позиций «очень хорошо» + «хорошо» + «средне». При оценке экономического положения страны индекс составил в России 59,1, в Беларуси – 58,5 п. п. Анализ показал, что произошло снижение данного индекса по сравнению с докризисным уровнем: в 2007 г. он равнялся в России 68,0, в Беларуси – 76,0 п. п.³⁸ Что касается материального положения семьи, то на момент опроса этот показатель равнялся 64,3 в России и 63,3 п. п. в Беларуси. Известно, что в результате активных и своевременных антикризисных мер, в том числе повышения заработной платы, пенсий и пособий в Беларуси в 2010 г., показатель существенно вырос: в России – до 75,0, в Беларуси – до 72,0 п. п.

Удовлетворенность текущей жизнью как индикатор социальной адаптированности оказалась в 2009 г. примерно одинаковой в России и Беларуси – 58,7 и 58,1 п. п. соответственно. Мы рассматривали в роли индикатора социальной адаптированности также и индекс терпения. Данный индекс выражает личностные диспозиции в плане восприятия человеком своей теперешней ситуации на основе накопленного опыта и сравнения того, что есть,

с тем, что было, и с тем, что хотелось бы иметь. Измерительная шкала представлена в табл. 5. Расчет проводился по формуле:

$$ИТ = C + (A + B - D).$$

Таблица 5

Индекс терпения, %

Как Вы оцениваете свою жизненную ситуацию?	2009 г.		2011 г.	
	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь
A. Все более чем нормально	3,2	4,3	13,7	7,2
B. Все не так плохо и можно жить	22,4	23,0	44,1	30,8
C. Жить трудно, но можно терпеть	50,4	50,2	27,7	46,0
D. Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	14,0	8,3	6,7	7,5
E. Затрудняюсь ответить	10,1	14,2	7,8	8,5
Индекс терпения	62,0	69,3	78,8	75,5

Для более точного учета затруднившихся ответить можно использовать оценки в баллах и подсчитать средний балл по выборке. Тогда индекс терпения для россиян в 2009 г. равен 2,95, а в 2011 г. – 3,52, т. е. рост составит 16,8 %, или на 0,57 пункта; для белорусов 2,94 и 3,66 – рост на 6,2 %, или 7,4 пункта, соответственно. Отметим, что статистически значимый рост индекса терпения обусловлен заметным увеличением альтернатив А и В, свидетельствующих об улучшении материальных условий жизни. Относительно терпения как личностной диспозиции распространенным является представление о том, что она особенно характерна для белорусов, можно сказать, является доминантой белорусской ментальности. Это действительно так, если терпение понимается как стойкость, твердость и т. д. К сожалению, встречаются и такие интерпретаторы, которые это качество толкуют как покорность, смирение, равнодушие и т. п.

Социальный оптимизм выражает уверенность всего социума, отдельных категорий и групп в изменении жизни к лучшему. Исследование показало, что уровень социального оптимизма в России и Беларуси на период опроса совпал и составил 27 п. п., т. е. 27 % опрошенных, отвечая на вопрос: «Как изменится жизнь в ближайшем будущем?», считают, что будут жить лучше. Эти данные необходимо пояснить, тем более, что индекс оптимизма часто без каких-либо оговорок используется в международных рейтингах. Суть наших пояснений заключается в следующем: 1) этот показатель сам по себе, т. е. вне контекста, оказывается недостаточно информативным, ибо при этом не учитываются ответы по другим позициям шкалы. Вполне очевидно, что если число пессимистов («будем жить хуже») равно или больше количества оптимистов, то массовое сознание, как и социальное самочувствие, является противоречивым; 2) большое число затруднившихся ответить свидетельствует о ситуации неопределенности, характерной для кризисных явлений; 3) длительное наблюдение за феноменом оптимизма показывает, что он не сводится всецело только к социальному содержанию (условия жизни, доходы, доступность образования и других услуг), так как определенную долю в нем занимает то, что можно отнести к характерологическим чертам или психологическим предрасположенностям.

С учетом этого становится понятно, почему в обеих странах уровень оптимизма колеблется в пределах 22–30 п. п. и только в 2006 г. составил в России 32, а в Беларуси – 40 п. п. Для того чтобы избежать абстрактной дихотомии по линии «оптимизм – пессимизм», целесообразно включать в инструментарий вопрос о готовности к реализации личных планов на будущее.

В отличие от стандартных международных методик мы включали в инструментарий ряд других вопросов. В частности, с содержательной и методической точек зрения представляется интересной ранжировка респондентами наиболее актуальных проблем как для страны, так и для семьи.

Общественное мнение о наиболее острых проблемах, %

Какие проблемы, на Ваш взгляд, являются актуальными для страны и для Вашей семьи?	Страна		Семья	
	Беларусь	Россия	Беларусь	Россия
1. Низкий уровень жизни	48,4	47,5	30,6	34,8
2. Высокий уровень преступности	27,4	22,2	4,8	7,6
3. Инфляция	61,0	54,7	38,6	55,3
4. Безработица	40,5	43,3	9,5	26,1
5. Социальная незащищенность	31,5	24,2	14,6	23,3
6. Резкое расслоение	40,0	23,3	10,4	12,4
7. Политическая нестабильность	15,0	7,2	2,8	3,5
8. Развал экономики, остановка предприятий	27,7	28,0	5,8	13,9
9. Рост алкоголизма	62,3	22,4	10,4	10,5
10. Низкая доступность жилья	41,9	27,2	23,5	33,6
11. Бездуховность, разгул безнравственности	29,9	12,1	4,4	6,7
12. Сокращение численности населения	39,7	10,3	5,8	6,7
13. Плохая экология, загрязнение среды	41,8	18,8	12,0	21,5
14. Межнациональная рознь	2,3	4,6	0,3	1,9
15. Неправедливые налоги	17,8	4,9	6,8	5,4
16. Низкое качество здравоохранения	40,9	16,7	20,7	29,1
17. Низкое качество образования	18,7	4,8	6,3	6,4
18. Коррупция, взяточничество	37,9	21,1	5,7	8,3
19. Некомпетентность властей	27,6	7,5	6,2	6,3
20. Задержки зарплаты, пенсий, стипендий	13,4	6,0	10,0	11,4
21. Высокие тарифы ЖКХ	43,7	—	40,1	—

В социологическом инструментарии этот вопрос занимает важное место и достаточно часто используется в разных типах исследований. Однако остается недостаточно объясненной разница оценок по странам и особенно разные уровни оценивания – страны и своей семьи. Рассмотрим эти особенности на основании результатов нашего исследования, как они представлены в табл. 6.

Сопоставление оценок по странам показывает, что общественное мнение Беларуси отличается большей напряженностью и экспрессивностью. Это невольно влечет за собой преувеличение рисков и опасностей некоторых проблем. К ним можно отнести такие как: 1) алкоголизм – 62,3 %; 2) безработица – 40,5 %; 3) социальное расслоение – 40,0 %; 4) плохая экология – 41,8 %. В то же время россияне, как нам представляется, не дооценивают опасности ряда проблем, в частности: 1) избыточного неравенства – 23,3 %; 2) бездуховности, разгула безнравственности (хотя бы на примере ТВ) – 12,1 %; 3) депопуляции – 10,3 %; 4) коррупции – 21,1 %. Совпадения оценок наблюдаются только по двум проблемам: уровень жизни – 48,4 % (Беларусь) и 47,5 % (Россия); остановка предприятий – 27,7 и 28,0 % соответственно; по трем проблемам оценки россиян несколько выше: безработица – 43,3 % (Россия) и 40,5 % (Беларусь); развал экономики – 28,0 и 27,7 %; межнациональная рознь – 4,6 и 2,3 % соответственно. Все другие 15 проблем белорусы оценили как более актуальные для страны. На наш взгляд, это связано с тем, что меньшие масштабы и численность населения Беларуси повышают плотность связи, социально-психологическую эмпатию, а вместе с тем и восприятие вероятности превращения эвентуальной (абстрактной) возможности в реальную. Отсюда превышение некоторых потенциальных угроз как превентивная мера с психологической точки зрения.

Заметно иначе выглядят оценки остроты проблем для семьи. У белорусов они ниже в разы: алкоголизм – с 62,3 до 10,4 %, преступность – с 27,4 до 4,8 %, безработица – с 40,5 до 9,5 %, расслоение – с 40,0 до 10,8 %, политическая нестабильность – с 15,0 до 2,8 %, развал экономики – с 27,7 до 5,8 %, плохая экология – с 41,8 до 12,8 %, некомпетентность власти – с 27,6 до 6,2 %. В пятерку проблем, признанных наиболее острыми для семьи, в Беларуси вошли: 1) высокие тарифы ЖКХ – 40,1 %; 2) инфляция – 38,6 %; 3) низкий уровень жизни – 30,6 %; 4) низкая доступность жилья – 23,5 %; 5) недостаточная социальная защищенность – 14,6 %.

В России самыми острыми проблемами на семейном уровне признаны: 1) инфляция – 55,3 %; 2) низкий уровень жизни – 34,8 %; 3) низкая доступность жилья – 33,6 %; 4) безработица – 26,1 %; 5) недостаточная социальная защищенность – 23,3 %. (К сожалению, по техническим причинам в российском инструментарии выпала проблема тарифов на жилищно-коммунальные услуги, которая, скорее всего, вошла бы в этот список.)

Таким образом, на семейном уровне обоих массивов мы видим тот же перечень наиболее актуальных проблем и с той же количественной оценкой их остроты – именно эти проблемы больше всего сказываются на настроении и самочувствии людей.

Наше исследование, как уже отмечалось, отличается от «Евразийского монитора» и некоторых других еще и тем, что мы ставили прямые тестовые вопросы о настроениях и самочувствии. В 2009 г. в разгар кризиса позитивные настроения отметили 58,9 % белорусов и 51,6 % россиян; в 2012 г. – 65,7 и 68,4 % соответственно (табл. 7). Конечно, и в настоящее время небольшая часть населения испытывает страх и тоску (7,2 % белорусов и 4,9 % россиян); каждый пятый чувствует себя избыточно напряженным и раздражительным. Но в современном мире трудно найти место, где, если говорить о социуме, а не об отдельных группах или кастах, подобные чувства и переживания были бы исключены или хотя бы сведены к минимуму.

Таблица 7

Преобладающие настроения россиян и белорусов, %

Что Вы могли бы сказать о своем настроении в последние дни?	2009 г.		2012 г.	
	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь
Прекрасное настроение	10,5	10,9	10,1	14,1
Нормальное, ровное состояние	48,4	40,7	57,3	51,6
Испытываю напряжение, раздражение	27,9	15,2	19,4	20,0
Испытываю страх и тоску	6,0	5,3	4,9	7,2
Затрудняюсь ответить	7,2	5,3	8,3	7,1

Приведем также результаты опроса о самочувствии белорусского массива (российские социологи этот вопрос не ставили). Здесь сравнительный анализ проводился на примере трех возрастных когорт (табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов о самочувствии в последнее время, %

Как Вы оцениваете свое самочувствие в последнее время?	Все опрошенные	Возраст, лет		
		до 30	30–49	50 и старше
Мое самочувствие хорошее	23,3	34,7	23,8	14,6
Я ощущаю себя счастливым (-ой)	5,3	10,2	4,7	2,4
Не могу точно определить свое самочувствие	17,6	17,4	16,8	18,5
Самочувствие удовлетворительное	35,7	26,9	38,8	38,7
Самочувствие плохое	10,4	5,7	6,7	17,8
Я не прислушиваюсь к своему самочувствию	7,4	4,7	8,6	8,0

Хорошим признали свое самочувствие 23,3 % респондентов, удовлетворительным – 35,7 %, плохим – 10,4 %. Еще 5,3 % считают себя счастливыми, 17,6 % не смогли определить свое состояние, а 7,4 % к самочувствию не прислушиваются. Различия по когортам существенны и статистически значимы.

Характерно распределение ответов о факторах, влияющих на самочувствие в каждой из когорт. У молодежи в пятерку факторов вошли: 1) отношения с близкими, друзьями – 30,6 %; 2) здоровье – 28,5 %; 3) материальное положение семьи – 24,6 %; 4) семейное благополучие – 22,7 %; 5) возможность организации интересного досуга – 18,1 %. У респондентов среднего поколения: 1) материальное положение семьи – 38,4 %; 2) семейное благополучие – 33,8 %; 3) здоровье – 30,8 %; 4) отношения с близкими – 21,8 %; 5) личное материальное положение – 17 %. У старшей возрастной

когорты: 1) здоровье – 62,8 %; 2) семейное благополучие – 22,7 %; 3) материальное положение семьи – 18,5 %; 4) отношения с близкими – 18,3 %; 5) личное материальное положение – 12,1 % (табл. 9).

Таблица 9

Факторы самочувствия, учитываемые при его оценке, %

От чего чаще всего зависит Ваше самочувствие?	Все опрошенные	Возраст, лет		
		до 30	30–49	50 и старше
От возможности организовать досуг	8,2	18,1	6,1	3,4
От личного материального положения	16,7	22,9	17,0	12,1
От материального положения семьи	27,7	24,6	38,4	18,5
От наличия/отсутствия приносящего доход дела	3,3	4,0	4,0	2,0
От наличия/отсутствия собственного жилья	3,2	4,7	4,0	1,2
От отношений с близкими	22,0	30,6	21,8	16,3
От положения дел на работе (учебе, службе)	10,8	13,0	14,2	5,7
От самооценки способностей	3,7	4,1	–	–
От семейного благополучия	27,0	22,7	33,8	22,7
От здоровья	41,7	28,5	30,7	62,8
От личной безопасности	3,2	2,8	–	–
От умения завоевать доверие	1,6	2,3	–	–
От способности к общению	4,2	8,9	2,9	2,4

Приведенные данные показывают, что ни один из факторов не является доминирующим, а значит, и предопределяющим самочувствие респондентов. Так, в общем массиве на первом месте – состояние здоровья (41,7 %), у молодежи здоровье на втором месте (28,5 %), в средней когорте – на третьем (30,7 %). И только старшая когорта здоровье (62,8 %) ставит значительно выше всех других факторов. То же можно сказать и о материальном положении, взаимоотношениях в семье, межличностных отношениях, общении с друзьями. Видимо, можно говорить не о детерминирующей роли отдельных факторов, а о некотором их балансе и синхронизации, что обеспечивает позитивное самочувствие конкретных социальных групп и категорий населения. Для молодежи организация досуга в три раза более значима, чем для среднего возраста, и в шесть раз – для старшего. Это понятно и оправданно. Однако оценки некоторых факторов достаточно трудно объяснить, что касается, прежде всего, положения дел на работе (учебе и т. д.): только 10,8 % признали, что от этого зависит их самочувствие. Нелогичными представляются и низкие оценки таких факторов, как наличие собственного дела (бизнес, предпринимательство), собственного жилья, умение завоевывать доверие.

На наш взгляд, это не связано с перестройкой структур ценностного сознания, скорее происходит абберация восприятия по мере информационной наполненности ответов с выделением наиболее значимых позиций. Для уточнения необходимо проведение методологического эксперимента, в частности, с помощью перестановки мест альтернатив в анкете и других приемов. Сравнительный анализ показал, что социальное самочувствие населения Беларуси и России весьма чувствительно к изменениям социально-экономических условий жизнедеятельности. По мере преодоления кризисных последствий повышаются оценки экономического положения страны и материального положения семьи, возрастают индексы социального оптимизма и адаптированности (удовлетворенности и терпения). Что касается динамики политических процессов, то она, безусловно, по-разному воспринимается разными социальными, профессиональными и другими группами населения. Однако, как показали президентские выборы в Беларуси (19 декабря 2010 г.) и в России (4 марта 2012 г.), закономерностью является то, что массовую электоральную поддержку получают те кандидаты, программы которых в наибольшей степени учитывают социальные ожидания, настроения и самочувствие не одной какой-либо группы, а всех социально-

демографических, этнических, региональных, конфессиональных и других категорий населения страны.

- ¹ Плутарх. Наставление о государственных делах // Плутарх. Морали. М., 1999. С. 803.
- ² Там же. С. 803.
- ³ Маслоу А. Мотивация и личность. М., 2001. С. 23.
- ⁴ Бергер П. Общество в человеке // Социол. журн. 1995. № 2. С. 166–167.
- ⁵ Там же. С. 177.
- ⁶ Шоу Б. Автобиографические заметки. Статьи. Письма. М., 1989. С. 37.
- ⁷ Маслоу А. Указ. соч. С. 152.
- ⁸ Там же. С. 134–135.
- ⁹ См.: Психологические тесты: в 2 т. / Под ред. А.А. Карелина. М., 2001. Т. 1. С. 238–241.
- ¹⁰ Там же. С. 239.
- ¹¹ См.: Человек в экстремальной ситуации (опыт социологического исследования ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС) / Под ред. Е.И. Головахи и др. Киев, 1990.
- ¹² Амосов Н.М. Мое мировоззрение. Донецк, 2003. С. 14.
- ¹³ Там же. С. 45.
- ¹⁴ Там же. С. 52–53.
- ¹⁵ Там же. С. 44.
- ¹⁶ Там же. С. 43.
- ¹⁷ Тарасов К.Е., Черненко Е.К. Социальная детерминированность биологии человека. М., 1979. С. 84; См. также: Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 240.
- ¹⁸ Борзенков В.Г. Единая наука о человеке за пределами редукционизма // Человек. 2011. № 2. С. 28.
- ¹⁹ Лоренц К. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии // Там же. 1997. № 5. С. 22.
- ²⁰ Рьюз М. Эволюционная этика: здоровые перспективы или окончательное одряхление? // Вопр. философии. 1989. № 8. С. 39.
- ²¹ Маслоу А. Указ. соч. С. 22.
- ²² Там же. С. 137.
- ²³ Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 123.
- ²⁴ См.: Шавель С.А. Методологическая роль категории «социальное» // Социальное развитие в Беларуси: социологический анализ. М., 2004. С. 26.
- ²⁵ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1974. С. 253.
- ²⁶ См.: Ежегодное Послание Президента Беларуси белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь. Режим доступа: http://www.lukashenko2008.ru/articles/stat_i/608.
- ²⁷ Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комс. правда. 2012. 13 февр.
- ²⁸ Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Мн., 1990. С. 88.
- ²⁹ Там же. С. 88.
- ³⁰ Там же. С. 87.
- ³¹ См.: СБ. Беларусь сегодня. 2012. 21 янв.
- ³² Фромм Э. Здоровое общество. М., 2011. С. 223.
- ³³ Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 1990. С. 26.
- ³⁴ Маслоу А. Указ. соч. С. 18.
- ³⁵ См.: Плетнев К. «Экономика счастья» // СБ. Беларусь сегодня. 2009. 28 авг.
- ³⁶ Фромм Э. Человек для себя. Мн., 1992. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/fromm04/index.htm>. Дата доступа: 30.08.2009.
- ³⁷ См.: Шавель С.А. Общественное мнение о мировом финансово-экономическом кризисе и его последствиях для Беларуси // Экон. и соц. перемены / ИСЭРТ РАН. 2011. № 2 (14).
- ³⁸ См.: Мониторинг социальных настроений населения стран постсоветского пространства. М., 2010. С. 7–10.

Поступила в редакцию 22.01.12.